

ГЛАВА 1

— ...Нет в мире совершенства, — сказала Астра, а Мирон с какой-то странной тоской подумал, что вот он — образчик совершенства, новый виток эволюции, существо, отобравшее у человека желтую майку лидера, стоит прямо перед ним и иронично усмехается.

— Отрываю от ужина? — вежливо поинтересовался Мирон и крепко сжал осиновый кол.

Расклад нынче был такой, что ужином запросто мог стать он сам, но сдаваться без боя — не в правилах его рода. И убегать от опасности тоже. Такие вот дурацкие правила!

— Уже не отрываешь. — Астра стерла кровь с уголка рта. Наверное, сытость вызывала в ней некое благодушие, раз она перешла с официального «вы» на интимное «ты». Или у первородных тварей просто не принято церемониться с будущим ужином?

— И кто это был? — Мирон сделал осторожный шаг навстречу упырице. Безумие и отвага... Куда ж от них деваться?

— Тебе не нужно этого знать, Мирон. — Астра тоже сделала шаг ему навстречу. — И лучше выброси свое... — Она на мгновение задумалась, а потом продолжила: — Свое оружие. Поверь, оно не выглядит достаточно убедительным.

— Это с какой стороны посмотреть, — сказал Мирон, но вместо того, чтобы сделать еще один шаг вперед, шагнул в сторону.

Так они и кружили — маленькими приставными шагами, как два пса, примеряющиеся, как бы половчее вцепиться друг другу в глотки. Шансов вцепиться было куда больше у Астры — Мирон не испытывал по этому поводу никаких иллюзий. Но Астра почему-то медлила. Может быть, забавлялась, как забавляется с полудохлой мышью сытая кошка?

— Ах, топ шер, — сказала она и снова улыбнулась, — как же мне импонирует твоя горячность! Молодая кровь...

— Из ваших уст это весьма сомнительный комплимент. — Мирон едва не добавил «мадам», но вовремя одумался. Никакая она не мадам, а самое настоящее исчадие ада. Даже пострашнее Цербера с его пылающим взором. Кстати, поддержка Цербера ему бы сейчас не помешала. Хотя бы моральная.

— И чувство юмора. — Астра замерла и добавила с вполне искренней грустью в голосе: — Очень жаль, Мирон...

— Что вам жаль? — спросил он, шкуркой чувствуя приближение развязки, и занес руку с зажатым в ней осиновым колом.

Наверное, слишком медленно занес, потому что Астра вдруг оказалась очень близко. Можно сказать, интимно близко. Длинные ногти — или все-таки когти? — вонзились в шею аккуратно над яремными венами. Одно движение — и он истечет кровью. Тут и к бабке не ходи.

— Жаль, что приходится вот так.

От Астры тонко пахло дорогими духами. Духами пахло, а кровью — нет. И не улыбалась она больше, а просто смотрела. Глазищи у нее были огромные. Один сплошной зрачок на всю радужку. И посмотреть, что же там — в глубине этих черных зрачков, — хотелось просто невыносимо. По-

смотреть хотелось, но Мирон сопротивлялся изо всех сил. Сил только на то и хватало, чтобы сопротивляться. Пальцы, сжимавшие осиновый кол, разжались сами собой. Вот и не осталось у него оружия. Если только кухонный нож...

— Не делай глупостей, топ сег. — Голос Астры был медово-ласковый, и когти, которыми она сжимала шею Мирона, почти не причиняли боль. — Давай покончим с этим быстро.

Ему не хотелось быстро. Не хотелось стать легким перекусом для первородной твари. Или хотелось? По крайней мере, животного страха Мирон точно не испытывал. Как и обуревавшей его до этого момента ярости. Гипноз! Астра пыталась его загипнотизировать!

В солнечном сплетении вспыхнуло и начало стремительно разгораться пламя. Оно не причиняло боли, оно отвлекало от страшного — от тьмы в зрачках Астры.

— Что же, совсем без прелюдий? — прохрипел он, сжимая в кармане ручку кухонного ножа.

— К сожалению, мне некогда, топ сег. — Астра улыбнулась. Улыбка ее была самая обыкновенная, человеческая — никаких устрашающих клыков.

— Ну, как скажете. — Мирон тоже улыбнулся и всадил лезвие в живот Астры.

Она ахнула как-то совершенно по-женски, и в черном ее взгляде появилось обиженное удивление. Всего на мгновение Мирон испугался. Не за собственную жизнь, а за то, что вот прямо сейчас убил не первородную тварь, а обыкновенную женщину, взял грех на душу. А потом то ли ногти, то ли когти не слишком глубоко, но вполне ощутимо царапнули кожу на шее, и все сомнения враз развеялись. Следом за ними развеялся и туман в голове. Астра разжала пальцы, отпуская Мирона на волю. Вторую руку она прижимала к своему животу. На шелковой пижаме расплзлось черное пятно. Кровь просачивалась сквозь ткань, марала аристократически длинные пальцы Астры, капала на землю.

— Ну как же так? — спросила она одновременно с раздражением и болью в голосе.

— Ну вот как-то так... — Мирон отступил на шаг, подхватил с земли осиновый кол, готовясь к новому нападению.

Но нападать Астра не стала. Сложившись пополам и по-прежнему прижимая руку к животу, она отступила на шаг и тут же растворилась в темноте. Несколько мгновений Мирон слышал едва различимый шорох листьев под ее ногами, а потом все стихло. Может, и не было никакого шороха. Может, это все его богатое воображение. И никуда тварь не делась — зализывает раны где-то поблизости, а потом нападет, вопьется клыками в горло уже без всяких прелюдий.

Почти минуту Мирон оставался на месте, вслушиваясь в каждый шорох, готовясь к неизбежному. Неизбежного не произошло — Астра не вернулась. То ли решила прикончить его в другой раз, то ли рана оказалась не слишком приятной. Мирон сомневался, что банальный кухонный нож мог причинить серьезный вред подобному существу, но надеялся, что дыра в животе все-таки доставит некоторый дискомфорт. И шелковую пижаму он ей точно испортил, а дамочек, пусть бы даже и упыриц, состояние одежды иногда заботит куда сильнее, чем состояние здоровья.

Все эти мысли носились в голове Мирона стаей растревоженных летучих мышей, царапали мозг острыми коготками, бестолково бились изнутри о черепную коробку. Голова раскалывалась от боли. Или не от боли, а от попытки противостоять вампирскому мороку?

В темноте вспыхнули два красных огонька, а через мгновение к Мирону вышел Цербер.

— Ты зачем бросил ее одну? — спросил Мирон одновременно строго и облегченно. Строго, потому что не исключал, что Астра рванет к Лере. А облегченно, потому что отбиваться от упырей в компании призрачного пса было веселее.

Цербер мигнул дважды. Это, очевидно, означало, что претензии Мирона необоснованны и с Лерой все в порядке. По крайней мере, пока.

— Идем к ней! — Мирон хотел было сунуть осиновый кол за пояс, но передумал. Кто их знает, этих первородных тварей? Вдруг Астра передумает уползть с поля боя и вернется!

Собственно, брести рядом с Мироном Церберу не было никакой необходимости, в пространстве он перемещался весьма ловко. Но, наверное, выглядел Мирон сейчас не самым лучшим образом, поэтому призрачный пес решил поддержать товарища. Да и не брели они, а трусили резвой рысью. Мирон впереди, Цербер прикрывал тылы.

С Лерой все было в порядке. Мирон первым делом проверил все витальные функции и осмотрел ее шею на предмет укусов. Никто Леру не кусал, обошлось!

Он на цыпочках, чтобы не разбудить Семеновну, вышел из флигеля и уселся на лавочку. Цербер тут же материализовался напротив.

— Астра... — процедил Мирон сквозь стиснутые зубы. — Модная писательница, светская львица... Кто бы мог подумать, что она и есть наша тварь! Нежданчик, да?

Цербер ожидаемо не отозвался, даже глазом не моргнул: ни один раз, ни два, ни даже трижды.

— И ведь я ее не прибил, — продолжил Мирон с досадой. — Ни тогда, ни сейчас. Неубиваемая какая-то нам попалась гадина. Как думаешь, теперь, когда она поняла, что я знаю, она свалит из Гремучего ручья?

Цербер склонил черепашку набок. Красный огонь в пустых глазницах горел ровным пламенем.

— Что-то мне подсказывает, что не свалит. Похоже, у них тут что-то вроде родового вампирского гнезда. Этакая малая родина и место силы. Я только одного понять не могу, — Мирон снова посмотрел на Цербера. — Зачем им Лера?

Цербер наклонил черепушку в другую сторону, щелкнул зубами.

Мирон потерял виски. Голова по-прежнему раскалывалась, но, чтобы найти обезболивающее, нужно было оставить свой боевой пост, а пойти на это он никак не мог. По крайней мере, до рассвета. Зато можно позвонить Харону. Собственно, самое время звонить Харону. Ночь в разгаре.

Харон ответил на звонок почти мгновенно, наверное, держал мобильник поблизости.

— Что? — спросил он бодрым и ничуть не раздраженным голосом.

— Все, — сказал Мирон так же бодро. — Я ее нашел!

— Кого? — Голос Харона оставался ровным, почти равнодушным.

— Нашу первородную тварь. — Можно было выдержать драматическую паузу, но Мирон не стал — с Хароном такое не прокатывало. — Милочка была права: это женщина.

— Ты ее убил? — спросил Харон таким скучным тоном, что Мирону сделалось обидно.

— Я ее не убил, — сказал он после секундной паузы. — Она не такая, как наш дружок из оврагов.

— А какая она? — И вот наконец в голосе Харона проклюнулся интерес.

— Она?.. — Мирон задумался. Первым на ум пришло очевидное: Астра была красивая. Но Мирон сказал другое: — Она умная, Харон. Умная и хитрая. Она, конечно, тварь, но не безмозглая тварь. Если ты понимаешь, о чем я.

— Я понимаю: она умная и хитрая, — повторил Харон задумчиво. — Мне сложно понять другое.

— Что именно? — Разговаривать с Хароном всегда было нелегко, а уж по телефону еще сложнее.

— Почему ты до сих пор жив?

— Я? — На мгновение Мирон растерялся. — В смысле почему я до сих пор жив?! Может быть, потому, что вса-

дил ей в живот кухонный нож? Понимаю, что это не антикварная шпага, но все же. — Ему вдруг сделалось обидно, словно Харон его в чем-то упрекал.

— Я думаю, она не хочет тебя убивать, — сказал Харон после небольшой паузы. Обиды в голосе Мирона он ожидаемо не заметил. — Она нападала на тебя уже дважды...

— И дважды мне приходилось делать ей лапаротомию¹ в походных условиях! — огрызнулся Мирон.

Наблюдавший за ним Цербер мигнул трижды, но это было не насмешливое, а одобрительное подмигивание. По крайней мере, Мирону хотелось так думать.

— Хотя ты меня понимаешь, — сказал он, прикрывая микрофон ладонью.

Цербер мигнул один раз и улегся у его ног.

— Если она первородная... — Харон запнулся, а потом сам себя поправил: — Если она особенная — из породы тех упырей, которые орудовали в лощине во время войны, то она очень сильная. Во всех смыслах: и физическом, и ментальном. Думаю, с ней не справился бы даже я.

— Даже ты? Ну разумеется!

Мирон усмехнулся и чуть было не погладил Цербера по черепушке. Руку он отдернул в последний момент. Все-таки физический контакт с призраком причинял определенный дискомфорт. Шрам на ладони уже предупреждающе пульсировал тупой болью.

— Я не хотел тебя обидеть. — А ведь и в самом деле не хотел. Нет у Харона такой опции. Специально он не обижает никого и никогда. Проблема в том, что и чувство такта — это тоже недоступная для него опция. Тут уж никуда не деться. — Я хотел сказать, что, если бы она хотела тебя убить, она бы тебя убила. Ты ей зачем-то нужен, Мирон.

¹ Лапаротомия — вскрытие брюшной полости для доступа к расположенным в ней органам (с диагностической или лечебной целью).

— Она пыталась меня загипнотизировать, — сказал Мирон задумчиво. — Кажется, пыталась.

— А ты?

— А я не поддался. — Он снова потер виски. — Но голова теперь болит просто невыносимо. Прихвати аспирин, когда приедешь. Ты же приедешь?

— Я приеду.

Вот и положительная сторона личности Харона: он никогда не задает лишних вопросов. Ну, почти не задает...

— Зачем я тебе там нужен, Мирон?

— Нам надо что-то решать с Лерой. Считаю, что оставлять ее в усадьбе опасно. Как думаешь?

— Я буду через час, — вместо ответа сказал Харон.

— Не въезжай через центральный вход. Не стоит поднимать на уши всю усадьбу. Встретимся у потайной калитки. У тебя же есть с собой ключ?

— У меня есть с собой ключ, но это может быть опасно. Та женщина...

— Тварь первородная, — поправил его Мирон.

— Тварь первородная может быть еще где-то поблизости.

— Ты боишься за меня или за себя, Харон? — все-таки не удержался Мирон от сарказма. Может, это стресс из него так выходил: вместе с колючими, как битое стекло, словами.

— Я не боюсь, я просчитываю варианты. — Сарказм Харона тоже не брал. Пора было бы уже привыкнуть. — Но, если ты в самом деле ее ранил...

— Я ее ранил!

— Если ты ее ранил, — терпеливо повторил Харон, — то ей определенно нужно какое-то время на регенерацию.

— Какое? — тут же поинтересовался Мирон.

— Думаю, это зависит от тяжести повреждений.

— Колотая рана передней брюшной стенки. Это как минимум. Была бы эта тварь живая, кровотечение и перитонит были бы ей обеспечены, а так только поахала.

— Ей было больно? — спросил Харон. В трубке слышались какие-то посторонние звуки. Кажется, разговаривал он уже на ходу.

— Мне показалось, что да.

— Она сразу удалилась?

— Удалилась? — Мирон усмехнулся. — Я бы сказал, уползла.

— Но убить тебя она все еще могла. — Харон не спрашивал, а утверждал.

Мирон вспомнил опасную остроту то ли ногтей, то ли когтей и потер кожу на шее.

— Теоретически могла. Ей бы хватило на это всего нескольких секунд.

— Но не убила. Ты ей нужен, Мирон.

— Зачем?

— Я пока не знаю. Подумаю над этим в дороге. Жди.

В трубке слышались гудки отбоя. Мирон сунул мобильник в карман.

ГЛАВА 2

К тому моменту как Харон вошел в потайную калитку, новый день уже почти вступил в свои права. Дикая часть парка погрузилась в предзвездный туман, который пронизывали первые лучи восходящего солнца. Мирон пошел встречать Харона один. Цербер остался сторожить Леру. Что ни говори, даже в своей призрачной ипостаси он оставался опасным противником, если уж ему удалось остановить Астру в прошлый раз. Может быть, между упырями и призраками есть какая-то особенная связь? Ведь и те и другие не принадлежат миру живых. Надо будет как-нибудь на досуге проверить свое предположение, попытаться расспросить Цербера о его взаимоотношениях с вампирами. А пока Мирон стоял, привалившись спиной к старому вязу и легкомысленно поигрывая осиновым колом. Позии-

цию такую он выбрал неслучайно, необхватный ствол дерева надежно защищал его с тыла. Думать о том, что упыри могут лазать по деревьям, аки кошки, он себе запретил. Хватит с него на сегодня стрессов.

Калитка открылась бесшумно, впуская на территорию усадьбы чужака. Харон двигался с той самой звериной грацией, которой с детства завидовали все в спортклубе. Настоящий ниндзя, только долговязый и одетый в строгий костюм.

— Доброе утро! — вежливо поздоровался он и протянул Миرونу руку.

— Да уж, бывало и подобнее. — Мирон переложил кол из правой руки в левую, ответил на крепкое рукопожатие.

— Твой четвероногий друг?.. — Харон сощурился, сканируя пространство в поисках Цербера.

— Остался сторожить Леру. У него это очень хорошо получается, знаешь ли.

— Сторожить?

— Сторожить Леру.

— Тебе не кажется это странным? — Харон аккуратно запер за собой калитку.

— Что призрак дохлой собаки сторожит коматозную девчонку? Мне в происходящем кажется странным вообще все! Меня к такому не готовили, знаешь ли.

— Почему именно ее? — Харон продолжал сканировать пространство внимательным взглядом, но высматривал он теперь не Цербера, а упырей. — Она должна была умереть, но от нее отказались.

— Кто отказался? — спросил Мирон, помимо воли понижая голос до шепота.

— Смерть. От нее отказалась смерть. Постояла рядом и ушла. А вместо себя прислала мертвого пса.

— Как поэтично, — все так же шепотом сказал Мирон.

Он уже давно привык к странностям Харона. Да и кто нынче без странностей? Вот сам он, к примеру, шляется

по чужим снам, призраков видит, вампирам противостоит. У него такие таланты, что всякие там супергерои Марвелы нервно курят в сторонке.

— У меня есть одно соображение. — Харон его не слышал, Харон думал о своем. — А что, если на том рисунке и в самом деле он?

— Он — это кто? Цербер, гроза подземного царства?

— Он — это Темный пес рода Бартане. Ты же читал геральдическую книгу, которая хранится в музее?

— Ну, читал — это громко сказано. — Мирон пожал плечами. — Просматривал картинки.

— Я тоже просматривал. Однажды.

— И Ба тебе позволила?

Мирон даже замедлил шаг от удивления. Ба и Харон никогда не вступали в открытую конфронтацию, но было очевидно, что они друг другу, мягко говоря, не симпатизируют. Ба считала Харона странным и непредсказуемым типом. А Харон никогда не объяснял причины своих симпатий и антипатий. Этих двоих связывал лишь Мирон. Этого им было достаточно.

Харон помотал лысой головой.

— Она была в отпуске.

Мирон понимающе кивнул.

— Значит, подкупил кого-то из зрителей.

— В кабинет меня пустили. — В голосе Харона вдруг послышалась досада.

— И чем ты недоволен?

— Я хотел попасть в хранилище.

— Ключ от хранилища есть только у Ба и ее зама.

— Зам оказался неподкупен. Я предлагал ему бесплатное погребение. Он отказался.

— Да ты что? Не может такого быть! Чего это мужик, которому едва исполнилось пятьдесят, отказался от такого заманчивого предложения?!

— И гроб любой модели на выбор.